

Сортировка добра

Перед самым Новым годом дед решил продать гараж. Сказал, что мотор шалит.

— Вам этот гараж, видите ли, не нужен!

— А как же всё нажитое непосильным трудом добро? – спросил я.

Добром дед называл кучу мусора и хлама, которые хранил в гараже. Зачем ему гараж, если у него даже машины никогда не было, не спрашивайте. Был мотоцикл, но и тот угнали, когда папа был еще маленьким. Но какой-то мотор у него шалит...

Он позвал меня помочь разобрать гараж. Тут были старые покрышки разных размеров (дед, зачем? Я думал – лебедей сделать, да руки не дошли), стремянка с одной хромающей ногой, банки с краской разных оттенков, рулоны обоев в цветочек, в ромбик, в полоску в клетку, в котлетку — «на случай ремонта, как только кончатся войны и картошка», коробка с проводами, спутанными в клубок, похожими на спагетти, если бы их варил я. Ещё — пакет с пакетами (внутри ещё один пакет с пакетами поменьше), в коробке четыре половины зонта, ролики от роликовых коньков и роликовые коньки без роликов, тридцать три строительные перчатки, одинокий магнитик «Сочи-98» и три выцветших билета на концерт какого-то Ме... (нечитаемо)...зе.

Мы сортировали добро на две стороны: то, что нужно выбросить — налево, туда пошли обои и зонты, а то, что еще “послужит” — направо. И вдруг я увидел в углу большую коробку, всю в пыли и дырках (наверное, мыши прогрызли). На крышке было написано дедовым почерком: “ЁЛКА”.

Дед заглянул и сказал:

– Эту влево.

Но как можно выбросить коробку с надписью “ЁЛКА” прямо перед новым годом? Тем более папа еще не ездил на елочный базар.

Я открыл коробку. Внутри лежали какие-то типа хвойные палки — жёсткие, как расчёска, и с проплешинами. А под палками лежал мусор.

Наверное, все-таки придётся налево. Я поднял коробку, чтобы отнести ее на улицу, но она развалилась, и всё содержимое высыпалось. Тут же нарисовался дед. Я думал, ругать будет. Но нет. Он поднял с пола ржавую штуку, вытянул руку как можно дальше от глаз (все старики так делают, как будто от вещей пахнет). И сказал:

— Пиратская шхуна.

— Где? — я наоборот подошел поближе, чтобы получше разглядеть. Это был кораблик, сделанный из консервной банки. Исполнение, честно говоря, на троечку, как говорит мой папа, когда комментирует чью-либо работу.

— Папка твой смастерил. — он поднял с пола еще парашютиста с пакетом молока вместо парашюта, — Девяностые. Денег кот наплакал, зато фантазии — вагон и маленькая тележка.

Мы стали разбирать: вот ракеты “Провансаль, 67% жирности” из майонезных банок: у одной в хвосте — звёзды из фольги от шоколадки, у другой — космонавт из ...даже не знаю, бинта, что ли. Я бы сказал, что это мумия, но дед сказал — это космонавт. Были шарики из лампочек, расписанных краской в снеговиков, снизу немного облупились. Гирлянда из скрепок — длинная цепь. Снежинки из компакт-дисков (что такое компакт диск, дед? флешка по-вашему). Ангел из ватных дисков и бинта с проволоочный нимбом. На кусочках фанеры — выжженные выжигалкой ёлочки, звёзды и даже жираф (А он тут причем? И в Африке бывает новый год!). А ещё дождик из кассетной ленты — чёрный, а кассетная лента — это бумажка, по которой бежит музыка.

— Пойдём домой, — сказал дед. — Нарядим. Гаражные покупатели подождут. Новый год — нет.

Дома ёлку поставили в углу, лысыми палками к стене — дед знал, как прятать недостатки. Начали вешать игрушки. Консервные корабли звякали, как пираты во время пира. Снеговик-лампочка смотрели на нас круглыми глазами, кто-то одним глазом (снеговик-пират, я так его называл). Скрепочная цепь обвила ветки, и елка стала немного рэпером. Дождик из кассеты шуршал какой-то старой песней, и дед напевал что-то про самбу белого мотылька. Странная песня. Никогда не слышал, чтобы мотыльки занимались единоборством.

— Папка твой мастерил это у себя в комнате, — дед кивнул в сторону маленькой спальни, — стелил газеты, чтоб не испачкать пол. Всё равно испачкал. Бабка ругалась. А я говорил, что летом покрасим, краска-то в гараже.

Я кивнул. И понял, что нашей ёлке чего-то не хватает. Я полез в коробку “на всякий случай” и нашёл проволоку, изоменту, крышку от кваса и маленькую шестерёнку. Согнул проволоку сердцем, в середину посадил шестерёнку, сверху прикрутил крышку — получилось «Сердце-мотор». Обмотал синей изоментой и привязал ниткой, которую дед достал из банки из-под печенья.

— Это кто? — спросил дед.

— Мотор, — ответил я. — Чтобы у нашей ёлки был мотор, от которого будут работать и ракеты, и корабли.

Дед почему-то долго привязывал игрушку к елке. Прямо очень долго, как будто узел был на всю жизнь. Потом сказал:

— Надо бы чаёк. И мандаринчик. Горло что-то...запылилось.

Под вечер позвонил покупатель гаража. Дед зачем-то говорил по громкой связи, поднеся телефон к уху.

— В котором часу можно заехать за ключами и подписанием договора?

Дед посмотрел на нашу ёлку и сказал:

— Знаете, возникли непреодолимые обстоятельства. Сделку отменяем.

— В смысле? — удивился покупатель.

— Что значит в смысле? А где я добро хранить буду? — дед посмотрел на меня и подмигнул. — Гараж — это не недвижимость. Это память.

И нажал отбой.

— Весной разберёмся, — сказал он мне. — Мотор пока еще послужит.

И я улыбнулся. Значит моя игрушка не хуже папиных, раз так понравилась деду.